

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.17223/18137083/84/12

Детские книги в художественной структуре романа М. Петросян «Дом, в котором...»

Анна Леонидовна Калашникова ¹
Капиталина Валерьевна Синегубова ²

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

² sinegubova.kv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Аннотация

Цель статьи – проследить влияние детской и подростковой литературы на роман М. Петросян «Дом, в котором...», зачастую также воспринимаемый исследователями как книга для детей. Были выявлены наиболее знаковые для М. Петросян произведения: «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла, «Книги джунглей» Р. Киплинга, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха. М. Петросян включает в структуру «Дома, в котором...» тексты, описывающие такие важные для детской литературы сюжетные ходы, как попадание в иной мир и постижение его законов, инициация, самоидентификация, обретение себя и своего места в социуме.

Ключевые слова

Мариам Петросян, «Дом, в котором...», детская литература, аллюзия, претекст, Кэрролл, Киплинг, Р. Бах, Голдинг

Для цитирования

Калашникова А. Л., Синегубова К. В. Детские книги в художественной структуре романа М. Петросян «Дом, в котором...» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 169–181. DOI 10.17223/18137083/84/12

Children's books in the artistic structure of the novel "The Gray House" by M. Petrosyan

Anna L. Kalashnikova ¹, Kapitalina V. Sinigubova ²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

² sinigubova.kv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Abstract

The paper aims to trace how children's and adolescent literature influenced the novel "The Gray House" by M. Petrosyan, often also perceived by researchers as children's litera-

© Калашникова А. Л., Синегубова К. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 169–181
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 169–181

ture. The intertextual analysis revealed the works that are most significant for the author: “Alice in Wonderland” and “Through the Looking-Glass, and What Alice Found There” by L. Carroll, “The Jungle Book” by R. Kipling, “Lord of the Flies” by W. Golding, “Jonathan Livingston Seagull” by R. Bach, as well as the English folk song “The House that Jack Built.” These works are not only mentioned in the novel but also allow certain parallels between the plot and the characters of the pretexts and the novel concerned to be drawn. The quote from the folk song is cited in the title of the novel, immediately suggesting the possibility of intertextual analysis. The earlier works of the author are referred to in the novel as a quotation or a reference to a precedent name, allowing us to recognize the pretext. The structure of the novel incorporates the works with such important plot passages for children’s literature as getting into another world and understanding its laws (L. Carroll, R. Kipling), initiation (R. Kipling), self-identification (W. Golding, R. Bach), finding oneself (R. Bach), finding one’s place in the social hierarchy (R. Kipling, W. Golding). The intertextual component of the novel allows the author to consider the important stages of the formation of the personality of the characters at the level of universal, extremely broad generalization.

Keywords

Mariam Petrosyan, “The Gray House”, children’s literature, allusion, pretext, Carroll, Kipling, R. Bach, Golding

For citation

Kalashnikova A. L., Sinigubova K. V. Children’s books in the artistic structure of the novel “The Gray House” by M. Petrosyan. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 169–181. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/12

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором...», опубликованный в 2009 г., изучался в различных аспектах. В первую очередь исследователей привлекает изображенное в романе пространство, наделенное специфическими чертами [Галина, 2010; Соловьева, 2011; Ремизова, 2012; Мельник, 2013; Кихней, 2019; Булгакова, 2021]. Также предметом внимания ученых являются особенности художественного метода Мариам Петросян как одного из современных русскоязычных писателей. Как правило, художественный метод либо четко определяется как магический реализм [Биякаева, 2017; Мескин, Гайдаш, 2019], либо отмечается сочетание элементов «бытописания, психологической прозы, постмодернистской игры, неомифологии и откровенной мистики, которая, впрочем, может оказаться не апелляцией к потустороннему миру, а лишь играми сознания» [Кихней, 2019, с. 49].

Особенности художественного метода заставляют обратить внимание на интертекстуальную составляющую романа [Кихней, 2019; Sinigubova, 2019]. М. Галина отмечает, что в романе «есть культовые книги, которые герои время от времени цитируют или таскают с собой, среди них такие, как “День Триффидов” Уиндема, “Кельтские сумерки” Йейтса, “Моби Дик” Мелвилла, “Чайка по имени Джонатан Ливингстон” Ричарда Баха, – знаковые, помогающие наложить на роман некую координатную сетку» [Галина, 2010, с. 47]. Однако роль детской литературы в романе до сих пор не была рассмотрена, хотя «Дом, в котором...» включается исследователями в группу произведений для детей [Черняк, 2011; Липовецкий, 2014; Денисенко, Дмитриевская, 2021; Свитенко, 2022].

Мы полагаем, что отсылки к детской и подростковой литературе в значительной мере влияют на онтологическую реальность в романе М. Петросян. В настоящей статье прослеживается взаимосвязь системы персонажей, композиции и сюжета романа «Дом, в котором...» с литературными произведениями для детей либо о детях.

Первая отсылка в виде знаковой цитаты представлена в названии романа М. Петросян, восходящем к английской народной песне «Дом, который построил Джек». Перевод этого произведения, выполненный С. Я. Маршаком, относится к кругу текстов, знакомых русскоязычным читателям с детства. Е. Н. Рогова и Л. С. Яницкий справедливо отмечают игровой характер заглавия, который «дает понять читателю, что перед ним текст-игра с традициями, аллюзиями, текст о создании текста, символизирующего вечный и нестрашный бесконечный сюжет о всякой всячине, создании мира» [Рогова, Яницкий, 2020, с. 229]. Игровое начало «Дома, в котором...» проявляется в переключках текста романа как с английской песней, так и с переводом Маршака.

Во-первых, образы животных, фигурирующие в английском оригинале песни и в переводе (крыса, птица-синица, кот, пес), откликаются в художественном зооморфизме романа М. Петросян, в котором Крысы, Псы и Птицы являются наименованиями внутренних сообществ Дома, а образ кота оказывается близок как Сфинксу (его настенное аллегорическое изображение – кошка с человеческой головой, перечеркнутая красным), так и Курильщику, превращающемуся в кота во время Самой Длинной Ночи. Во-вторых, в «Доме, который построил Джек» присутствует мотив физической неполноценности, намеченный в оригинале («This is the cow with the crumpled horn» (Стихи матушки Гусыни 1988, с. 127) – «Это корова с обломанным рогом»¹) и усугубляется в переводе Маршака: «пес без хвоста», «корова безрогая» (ср. с образами «склеенных из кусочков» воспитанников Дома). В-третьих, в романе реализуется ряд сюжетно-композиционных особенностей, намеченных в английском оригинале «Дома, который построил Джек». Так, следом за крысой, котом, псом и коровой в песне появляется «несчастливая девица» («This is the maiden all forlorn» (Стихи матушки Гусыни, 1988, с. 127)), которую целует «человек в лохмотьях» («This is the man all tattered and torn» (Стихи матушки Гусыни, 1988, с. 127)), что можно соотносить с возникающим во второй книге романа новым законом Дома, провозглашенным Слепым и легализующим отношения старших воспитанников с девушками. Кроме того, циклический принцип композиции народной песни находит отражение в финале романа: последняя глава – «Встреча» – воспроизводит начальный эпизод (Кузнецик вместе с матерью приходит в Дом) и тем самым запускает новый временной цикл.

Исследователи «Дом, в котором...» справедливо отмечают органичную связь этого романа с традициями как фольклорной [Матевосян, 2021], так и литературной [Синегубова, 2018] сказки. На наш взгляд, «сказочный» контекст романа отмечен значительным влиянием дилогии Л. Кэрролла об Алисе.

Многие герои романа часто воспринимают реальность как вымышленные миры Кэрролла. Так, Стервятник видит в коридоре белого кролика, «уносящегося на кэрролловский шабаш», а Сфинкс сравнивает Шакала Табаки, который ездит в перегруженной и неустойчивой инвалидной коляске, с постоянно падающим Бельм Рыцарем из «Алисы в Зазеркалье». Яркой чертой Шакала Табаки является его неприязнь к часам, он признается: «Я и время – мы не дружим» (Петросян 2012, с. 389). Но если кэрролловский Шляпник был обвинен в том, что «убивает время», то Табаки не только ломает все часы, до которых может дотянуться, но и может на самом деле влиять на ход времени: он умеет возвращаться в прошлое и возвращать туда других, давая им возможность прожить заново годы в Доме.

¹ Перевод наш. – А. К., К. С.

Своеобразное течение времени в Доме является фундаментальной характеристикой, отличающей это пространство от всего остального мира (Наружности).

Ориентация на традиции фольклорной волшебной сказки является типичным приемом сюжетостроения в произведениях детской литературы, и роман М. Петросян в данном случае не является исключением: действие романа разворачивается в волшебном мире, существующем по своим особым законам.

Когда Алиса попадает в Страну чудес и в Зазеркалье, она постоянно удивляется тому, как устроен этот новый мир. Ситуация непонимания или неполного понимания характерна и для героев М. Петросян, причем степень непонимания не зависит от времени пребывания в Доме или степени осведомленности.

Так, в самом начале романа Курильщик посещает темную кофейню, в которой бармена зовут Кролик. Это можно воспринимать как своеобразный вариант кроличьей норы, и посещение кофейни становится первым шагом героя в мир, который кардинально отличается от привычной герою реальности. Далее Курильщик постоянно сталкивается со странными и непонятными утверждениями и рассказами, потому что его соседи по комнате многие вещи не называют своими именами, часто шутят, иронизируют, и это кажется здравомыслящему Курильщику как-то абсурдом.

В свою очередь, Слепой пытается объяснить себе уже не Дом, а Лес – параллельную реальность, связанную с Домом. И в этом ему помогает образ кошачьей улыбки из «Алисы в Стране чудес»:

И теперь он знал, что чувствовала Алиса, когда улыбка Чеширского Кота парила над ней в воздухе, ехидная и зубастая. Так улыбался и Лес. Сверху, бескрайней, насмешливой улыбкой (Петросян, 2012, с. 143).

Другим образцом детской литературы, оказавшим заметное влияние на роман М. Петросян, является «Книга джунглей» Р. Киплинга. Кипплинговский текст «Дома, в котором...» следует рассматривать в аспекте его воздействия на систему персонажей и как своеобразный сюжетный архетип.

Одним из первых в «Книге джунглей» появляется шакал Табаки, характеристика которого позволяет соотнести его с героем романа М. Петросян:

Волки Индии презирают Табаки за то, что он всюду суется, всех ссорит, сплетничает, подбирает всякую дрянь, ест тряпки и кусочки кожи из деревенских мусорных куч. Но все они в то же время и боятся Табаки, потому что он очень легко заболевает бешенством, – гораздо чаще, чем другие обитатели Джунглей, а тогда он забывает всякий страх и бежит по лесам, кусая всех, кто попадает к нему на пути (Киплинг, 2004, с. 114–115).

Первое описание Табаки в романе М. Петросян во многом сходно с характеристикой шакала в тексте-первоисточнике: герой маленький («выглядел от силы на четырнадцать»), носит на себе огромное количество разнообразного тряпья и безделушек, крайне неопрятен («Во все стороны полетели крошки еды, бисер и всякий мелкий мусор. Как от мусорной корзины на карусели»). Подчеркнута и близость Шакала к безумию, которое сродни бешенству: «Я не понял, как он это сделал, от чего оттолкнулся, но вращался он как бешеный» (Петросян, 2012, с. 28). Кроме того, Шакал Табаки, подобно своему литературному прототипу, вечно голоден, склонен к сплетням и высокопарным выражениям.

Образ Слепого – вожака четвертой – восходит к Акеле, предводителю волчьей стаи в цикле Киплинга. На их взаимосвязь указывает признак отшельничества,

отмеченный и в том, и в другом случае: Акела в «Книге джунглей» назван Одиноким Волком, Слепой же «был взрослым – взрослым отшельником». Слепой в романе М. Петросян является не только вожаком своей стаи, но и главным в Доме. С ним связан мотив борьбы за власть и установление законов, которые аналогичны Закону Джунглей в цикле рассказов Киплинга. На протяжении всего романа подчеркивается инаковость Слепого, его противопоставленность другим обитателям Дома. Оказываясь в Лесу, Слепой превращается в дикого зверя, бежит, оставляя за собой волчьи следы, и воет на луну.

Отметим взаимосвязь волчьей и лунной темы, характерную как для цикла рассказов Р. Киплинга, так и для романа М. Петросян. В начале «Книги джунглей» свет луны становится маркером приобщения к миру волков: Маугли попадает в волчью пещеру, озаренную лунным сиянием, во время пробуждения хищников, собирающихся на ночную охоту. Интересно, что, когда Маугли уходит из волчьей стаи, поднимается солнце, знаменующее переход на светлую, «человеческую» сторону бытия, а когда Маугли в очередной раз покидает мир людей, его уход вновь сопровождается лунным светом:

Когда месяц выплыл над долиной и залил ее молочным светом, перепуганные жители деревни увидели Маугли с двумя волками, следовавшими за ним. Он нес на голове сверток и шел быстро, волчьим шагом... (Киплинг, 2004, с. 164).

В «Доме, в котором...» лунный свет сопровождает превращение Слепого в волка:

Слепой остановился на опушке. Огромная луна окатила его серебром. Он присел, чувствуя, как его заливают светом, как поднимается шерсть, наэлектризованная белым волшебством. Прижал уши, зажмурился и завыл (Петросян, 2012, с. 144–145).

Таким образом, и в «Книге джунглей», и в «Доме, в котором...» мотив лунно-го света связан с темой оборотничества и волшебства, он дает возможность переступить на другую сторону бытия и преодолеть несовершенство человеческой природы.

Центральным образом в «Книге джунглей» является Маугли – человеческий детеныш, чужак в джунглях. В романе М. Петросян в роли Маугли последовательно выступают все новые обитатели Дома, но особенно она свойственна Кузнечнику и Курильщику, которые в течение длительного времени интегрируются в стаю. Как и в «Книге джунглей», герои проходят инициацию, узнавая законы Дома. Примечательно, что и в рассказах Р. Киплинга, и в романе М. Петросян обучение правилам поведения и законам чужеродной среды сопровождается применением физического насилия. Так, в рассказе «Охота питона Каа» Балу бьет Маугли, заставляя его запоминать наречия джунглей. В Доме же принято избивать новичков:

Но самым любимым развлечением стаи были новички. Мамины детки, пахнущие Наружностью, плаксы и нытики, недостойные кличек. С новичками можно было развлекаться множеством способов. Можно было пугать их пауками и гусеницами. Можно было давить их подушками и засовывать в шкафы. <...> Можно было их просто лупить (Петросян, 2012, с. 92).

Многочисленным издевательствам подвергается Кузнечик, который, уже став Сфинксом, избивает новичка Лорда, а Лорд, в свою очередь, выбивает зубы Курильщику. Интересно, что избиение в романе М. Петросян и в «Книге джунглей» воспринимается не только как неотъемлемая часть инициального приобщения к чужому миру, но и как отправная точка процесса физического и духовного совершенствования. Так, Кузнечик, подвергающийся преследованию и издевательствам со стороны Спортсмена, объединяет вокруг себя воспитанников, образующих новое сообщество, а также получает от мудреца Седого амулет, который позволяет ему вернуть утраченную целостность.

Процесс превращения чужака в «своего», инициации неопита является одним из важнейших сюжетных архетипов, реализующихся в «Доме, в котором...». Другая сюжетная универсалия связана с попыткой свержения вожака. В «Книге джунглей» Акела размышляет о своем неизбежном будущем, о времени, «которое наступает для каждого вождя, когда силы оставляют его, когда он становится с каждым днем слабее, пока наконец волки не убивают его и не выбирают нового вождя, чтобы в свое время убить и его» (Киплинг, 2004, с. 121).

В романе М. Петросян Помпей, вожак Псов, намеревается свергнуть Слепого, приглашая его на ритуальный бой. Имя героя, восходящее к известному историческому деятелю Гнею Помпею Великому, римскому консулу, политическому оппоненту Цезаря, предрекает его романную судьбу. В результате поединка Слепой убивает Помпея, подтверждая свой статус вожака Дома.

Совершенное Слепым убийство – поступок, противоречащий нормам христианской морали, – вызывает настоящий ужас у Курильщика, чужака в Доме. Прочие обитатели Дома оценивают произошедшее иначе. Такая разница в отношении к убийству может быть объяснена при обращении к концепции Закона, органичного для обитателей джунглей в цикле рассказов Киплинга. Закон Джунглей определяется не нравственным чувством, а прежде всего социальной целесообразностью, в то время как человеческая мораль является всего лишь способом объяснения существования того или иного правила поведения. Таким образом, Киплинг иронически разрушает священный ореол вокруг общественных верований и самой идеи, что возникновение законов связано с моральным прогрессом общества. С этой точки зрения христианская заповедь «Не убий» утрачивает статус непреложной нравственной нормы, поскольку «в Джунглях запрет убивать не может быть абсолютным и распространяется лишь на один вид живых существ, как и в реальной истории содержание понятия “человек, которого нельзя убивать”, менялось в зависимости от эпохи и общества» [Скуратовская, 1983, с. 118]. С этой позиции убийство Помпея Слепым абсолютно оправдано и целесообразно, поскольку восстанавливает пошатнувшийся порядок и обеспечивает стабильность общества внутри Дома.

Также одним из претекстов «Доме, в котором...» можно назвать «Повелителя мух» У. Голдинга. Это философский роман, посвященный проблеме природного, хаотичного начала в человеке и «непрочности современной цивилизации» [Чамеев, 2001]. Однако его героями являются дети и подростки; существуют исследования, посвященные образу ребенка и проблематике детства в «Повелителе мух» [Руднев, 2014; Шанина, 2014].

Первым и самым очевидным сходством двух романов является ситуация изоляции подростков. В «Повелителе мух» мальчики находятся на необитаемом острове. В романе М. Петросян – в учебном заведении закрытого типа, которое, безусловно, не полностью изолировано: в нем работают педагоги, приходят родители

и родственники. Однако в понимании героев романа Дом и Наружность – это кардинально разные сферы, и мира, «куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать, для них просто не существует» (Петросян, 2012, с. 294).

В изолированных мирах обоих романов дети создают свои собственные законы и правила, в обоих случаях образуются группы, близкие к первобытным сообществам: все члены племени подчиняются вожаку. В романе Петросян таких сообществ несколько, формально это разные группы, по которым воспитанников распределили взрослые, но сами они называют группы стаями, а лидеров вожаками. Наименование стай – Крысы, Псы, Фазаны – употребляют в том числе и руководители интерната. В романе У. Голдинга у племени нет названия, но частотны зооморфные сравнения.

Каждая группа в романе Петросян имеет особенности поведения и внешнего вида. Например, стая Крыс раскрашивает лица, чтобы отличаться от остальных. Племя Джека в романе У. Голдинга сначала раскрашивает лица цветной глиной из прагматичных соображений, затем это становится частью самоидентификации.

На уровне отдельных сюжетных ходов в двух романах совпадает борьба за власть, в ходе которой соперники готовы на убийство (Ральф – Джек, Помпей – Слепой). Близки описания погони (за Ральфом, за Рыжим) и драки. Совпадает деление всех детей на старших и младших. В обоих романах присутствуют близнецы: Сиамцы и Эрикизм, которые одинаково говорят, продолжая фразы друг друга. Совпадает мотив игры, который звучит в романе У. Голдинга в репликах многих персонажей, а в романе Петросян об игровом поведении обитателей Дома размышляет Курильщик.

Отмеченные переключки романов М. Петросян и У. Голдинга подталкивают к расшифровке образа одного из героев романа «Дом, в котором...» по имени Ральф. Положение Ральфа неоднозначное: с одной стороны, будучи взрослым, он находится на периферии мира Дома, принадлежащего детям. Однако из всех воспитателей он единственный является субъектом сознания в двух главах романа. Всех остальных взрослых мы видим либо глазами воспитанников, либо глазами Ральфа. Более того, он единственный взрослый, которому позволено уйти на Изнамку Дома в финале.

Соотнесение Ральфа М. Петросян и Ральфа из «Повелителя мух» помогает понять, почему нарушаются границы и в замкнутый мир Дома, более того – на его обратную сторону – допускается воспитатель. Причем воспитатель, который находится в конфликте со Слепым, главой Дома.

Обратим внимание на то, что Ральф – это не имя воспитателя, а кличка, которую дают ему воспитанники задолго до начала событий в романе:

Его вовсе не звали Ральфом. Он с первого часа возненавидел эту кличку-имя. Именно за то, что она была именем, он предпочел бы называться Барбосом или Мимозой, чем угодно, что звучало бы прозвищем, а не именем, которое могли счесть его собственным (Петросян, 2012, с. 295).

Ральф в романе Голдинга не взрослый, он всего лишь один из оказавшихся на острове мальчиков и становится лидером во многом случайно, далее его лидерство оспаривается Джеком Меридью. Называя воспитателя Ральфом, именем героя-ребенка, обитатели Дома открывают возможность принять его в свой круг. Впоследствии он станет единственным воспитателем, который останется работать, когда уволится весь персонал, а в настоящем времени романа его притянет кличка, редуцированная до буквы и написанная на стенах.

Ральф действительно оказывается ближе к воспитанникам Дома, чем другие воспитатели: живет на втором этаже, делает надписи на стенах, хочет понять, что есть Дом и, в целом, многое понимает. Дважды спасает Стервятника, и в благодарность за первое спасение тот делится с ним информацией, также сокращая дистанцию. Но все-таки Ральф воспринимается как чужак: несколько раз в романе подчеркивается, что он нарушает законы Дома:

Перепрыгнувший. Это заметно сразу, и я поражаюсь его бестактности. <...> В Наружности не принято заходить в чужой дом голышом. В Доме не входят, перепрыгнув. Это как влезть в окно и сесть за стол, не здороваясь с хозяевами. Пройтись по комнатам, выдвигая ящики. Не знаю, с чем еще можно сравнить. А ведь Ральф, по большому счету, не виноват (Петросян 2012, с. 369).

Ральф не принадлежит миру, который выстроили воспитанники, в полной мере, и это тоже объясняется заимствованным из романа Голдинга именем, потому что Ральф в «Повелителе мух» воплощает собой самого стойкого носителя цивилизации. Он называет себя главным в финале, когда этот статус означает не только власть, но и ответственность. Он настаивает на постоянно поддерживаемом костре, который должен стать сигналом для спасателей. Он строит шалаши и заботится о малышах. Ему неприятно быть грязным, он хотел бы принять ванну перед важными переговорами с Джеком, чтобы вернуть себе цивилизованный облик. Он не увлечен охотой, убийством, раскрашиванием лиц, и именно в его сознании возникает слово «дикари» применительно к бывшим товарищам.

Инаковость героя Голдинга, его сопротивление ценностям племени превращают его в жертву, которую охотники гонят через весь остров. Ральф в романе «Дом, в котором...» в первое время после возвращения постоянно думает о том, что может стать жертвой, как шесть лет назад стал жертвой другой воспитатель. Он не думает о себе как о части Дома, не осознает своей причастности к воспитанникам, меняющим реальность. Тем не менее, в определенный момент он встает на сторону воспитанников, а не воспитателей. Предупреждая Стервятника о плане Крестной, он признается: «я стучу на своих». В эту же ночь он портит свой костюм и на следующий день вынужден нарушить дресс-код. Это становится маркером перехода Ральфа из мира воспитателей в мир воспитанников.

И хотя Ральф продолжает выполнять функции воспитателя, например искать исчезнувшую Крестную, находит он ее уже на Изнанке в облике трехлетней девочки. Но на Изнанке многие обитатели Дома воспитывают своих или приемных детей, так что разница между ними и Ральфом окончательно пропадает. Ральф в романе М. Петросян, как и воспитанники Курильщик и Черный, проходит путь белой вороны и, в конце концов, обретает свое место, не отказываясь от своей сущности.

Еще одной значимой книгой в романе М. Петросян является «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха. Необыкновенный успех этой философской притчи исследователи нередко объясняют тем, что в ней отражены поиски духовного ориентира в ситуации кризиса традиционной религии и в условиях «восстания молодежи против прагматизма “общества потребления”» [Туровская, 1974, с. 198], в результате чего модифицированный, обновленный евангельский сюжет «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» приобретает парадоксальную популярность в молодежной поп-культуре, а сама книга становится культовой.

Первое упоминание этой книги в романе связано с загадочным призраком Джонатаном, роль которого играет Рыжая. Именно она оставляет в Чумной комнате подарки, среди которых выделяются книга Р. Баха и птичье перо. Разоблачение Рыжей происходит в середине второй книги романа, однако «чаячьи голоса мальчишек» слышны сразу после появления Кузнечика в доме, что позволяет говорить о высокой степени взаимодействия двух произведений, проявляющейся на сюжетном и тематическом уровне. Логика развития сюжета преобразования прослеживается уже в истории Рыжей, которая, справившись с боязнью высоты, прокралась по карнизу в комнату мальчишек и нарисовала на стене фломастером «невзрачную и уродливую» птицу, а затем вернулась, чтобы раскрасить ее белилами, став настоящей легендой Чумной комнаты.

Проблематика философской притчи Р. Баха связана с преодолением себя, стремлением к бескорыстному самосовершенствованию, проникнута идеей торжества духа над материей. Схожие мысли возникают и в романе М. Петросян. Подчеркнутое несовершенство чаячьей природы легко находит соответствие в физической неполноценности воспитанников Дома. Однако всё же в притче Р. Баха главным препятствием к совершенству являются не особенности строения крыльев чаек, не приспособленность для скоростного полета, а отсутствие иных устремлений, помимо желания «долететь от берега до пищи и вернуться назад».

Обращает на себя внимание сходство начальной ситуации, в которой оказываются герои «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» и «Дома, в котором...». И Джонатан, и Курильщик осознают и демонстрируют свою непохожесть на остальных, подвергаются суду и оказываются изгнанными из стаи. Изгнание приводит их в новую среду: Курильщик перемещается в Четвертую, а Джонатан оказывается среди небесных чаек. Интересно, что даже переход героев из будничного мира в волшебный маркируется схожим образом. Джонатан летит в темноте, созерцая сигнальные дорожки на поверхности воды, создаваемые светом луны и отблесками огней, когда осознает безграничность своих способностей (Бах, 2007, с. 20), а Курильщик стремится преступить пределы, попробовав «Лунную дорогу». В то же время следует отметить, что Курильщик находится в самом начале пути духовной и физической трансформации и не проходит его до конца.

Наиболее ярко сюжет преобразования Джонатана Ливингстона прослеживается в судьбе Сфинкса, который последовательно движется от ученичества к наставничеству, посредством преодоления испытаний и обретения духовного опыта, а в финале покидает Дом.

Трансформация, которую проходит ряд героев романа М. Петросян (Кузнечик-Сфинкс, Курильщик, Лорд, Волк, Рыжая и др.), предполагает пребывание в пограничном состоянии, дающем возможность созерцания инобытия (болезни, сна, бреда, опьянения). По сути все эти состояния выступают функциональными аналогами временной смерти, за которой в ритуальной практике следует воскрешение в новом качестве. Мир Дома, где ситуация перехода представлена на физическом (созревание), ментальном (обучение и взросление) и метафизическом (причастность к тайному знанию) уровнях, изобилует описанием «пограничных» ситуаций. К таковым относятся пребывание в могильнике и в изоляторе, употребление алкоголя и наркотиков, вещие сны и астральные путешествия, прыжки на Изнанку и т. п. Мистический опыт обитателей дома дает им сверхъестественные способности, сродни обретенной Джонатаном Ливингстоном возможности летать со скоростью мысли сквозь пространство и время.

Таким образом, произведения о детях или предназначенные для детской аудитории, которые использует М. Петросян, переключаются с текстом романа в значимых сюжетных моментах и характеристиках героев. Роман «Дом, в котором...» как произведение детской литературы обращается к таким важным аспектам становления личности, как постижение законов мира, инициация, обретение себя и самоопределение по отношению к социуму. Многочисленные сюжетные и композиционные параллели между романом М. Петросян и произведениями Л. Кэрролла, Р. Баха, У. Голдинга и Р. Киплинга позволяют показать эти процессы не в конкретной реальности романа, а на уровне универсального, предельно широкого обобщения. С одной стороны, актуальная для подростков проблематика и знакомые сюжетные ходы объясняют популярность романа, с другой – усложняют художественную реальность произведения, делая ее многомерной.

Список литературы

Биякаева А. В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 70–73.

Булгакова А. А. Топос «Дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 167–181.

Галина М. Дом, наружность и лес // Новый мир. 2010. № 4. С. 47–58.

Денисенко Е. Н., Дмитриевская Л. Н. Русская картина мира в современной русскоязычной армянской литературе о детях и подростках (на материале произведений Н. Абгарян и М. Петросян) // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 3. С. 54–61.

Кихней Л. Г. Поликультурное или культурно не атрибутированное пространство как воплощение инобытия в современной «мистической прозе» (М. Петросян, В. Пелевин, Л. Наумов) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Москва; Пенза, 2019. С. 46–55.

Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 7–22.

Матевосян А. А. Фольклорные мотивы волшебной сказки в художественном мире романа М. Петросян «Дом, в котором...» // Наука и школа. 2021. № 3. С. 23–28. DOI 10.31862/1819-463X-2021-3-23-28

Мельник Д. А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором» Мариам Петросян: смысловые уровни // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 3. С. 63–67.

Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 3. С. 404–413.

Ремизова М. Времени нет // Октябрь. 2012. № 4. С. 148–168.

Рогова Е. Н., Яницкий Л. С. Тема болезни и ее функция в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 226–238. DOI 10.24411/2072-9316-2020-00104

Руднев В. Н. Эстетика детства в литературе постмодерна (к 60-летию выхода в свет романа У. Голдинга «Повелитель мух») // Вестник Моск. гос. гуманит.-экон. ин-та. 2014. № 2 (18). С. 77–82.

Свищенко Н. В. Сюжетная ситуация «травли» в отечественной прозе для подростков: нейрофизиология поведения и специфика конфликта // *Успехи гуманитарных наук*. 2022. № 12. С. 43–47.

Синегубова К. В. Сказки Г. Х. Андерсена в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // *Новый филологический вестник*. 2018. № 3 (46). С. 198–205.

Скуратовская Л. И. «Книги Джунглей» Кипплинга как жанровый эксперимент // *Литературные традиции в зарубежной литературе XIX–XX веков*. Пермь, 1983. С. 113–121.

Соловьева Т. Дом vs Наружность. О романе Мариам Петросян «Дом, в котором...» // *Вопросы литературы*. 2011. № 3. С. 169–180.

Туровская М. Три жизни «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» // *Иностранная литература*. 1974. № 12. С. 195–198.

Чамеев А. А. Уильям Голдинг – сочинитель притч // *Голдинг У. Бог-скорпион*. СПб., 2001. С. 5–24.

Черняк М. А. Литература для «взрослых детей» и «инфантильных взрослых»: к вопросу о чтении современных подростков // *Библиотечное дело*. 2011. № 11 (149). С. 11–17.

Шанина Ю. А. Архетип ребенка в английской литературе второй половины XX века // *Культура и текст*. 2014. № 1 (16). С. 68–88.

Sinegubova K. V. Bob Dylan's "Tarantula" in the structure of Mariam Petrosyan's novel "The Gray House" ("The house, in which...") // *The New Philological Bulletin*. – 2019. No. 3 (50). P. 261–269.

Список источников

- Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон: Пер. с англ. М.: София, 2007. 112 с.
Киплинг Р. Стихотворения. Книжки джунглей. Рассказы. Свет погас. Ким: Сб.: Пер. с англ. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2004. 1037 с.
Петросян М. Дом, в котором... М.: Livebook, 2012. 958 с.
Стихи матушки Гусыни. Сборник / Сост. Н. М. Демурова. На англ. яз. С избранными русскими переводами. М.: Радуга, 1988. 684 с.

References

- Biyakayeva A. V. Vzaimosvyaz' urovney khudozhestvennoy real'nosti v tekstakh sovremennoy magicheskogo realizma [Interrelation of the levels of artistic reality in the texts of modern magic realism]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2017, no. 2(15), pp. 70–73.
- Bulgakova A. A. Topos "Dom" kak geterotopiya v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Topos "House" as a heterotopia in the novel "The Gray House" by M. Petrosyan]. *Philological Class*. 2021, vol. 26, no. 2, pp. 167–181.
- Chameev A. A. Uil'yam Golding – sochinitel' pritch [William Golding - Writer of Parables]. In: Golding W. *Bog-skorpion* [Scorpion God]. St. Petersburg, 2001, pp. 5–24.
- Chernyak M. A. Literatura dlya "vzroslykh detey" i "infantil'nykh vzroslykh": k voprosu o chtenii sovremennykh podrostkov [Literature for "adult children" and "infantile adults": on the question of reading modern adolescents]. *Bibliotchnoe delo*. 2011, no. 11(149), pp. 11–17.
- Denisenko E. N. Dmitriyevskaya L. N. Russkaya kartina mira v sovremennoy russkoyazychnoy armyanskoj literature o detyakh i podrostkakh (na materiale proizvedeniy N. Abgaryan i M. Petrosyan) [Russian picture of the world in modern Russian-language Armenian literature about children and adolescents (a case study of

works by N. Abgaryan and M. Petrosyan)]. *Russian Journal of Bilingualism Studies*. 2021, no. 3, pp. 54–61.

Galina M. S. Dom, naruzhnost' i les [House, exterior and forest]. *Novyy mir*. 2010, no. 4, pp. 47–58.

Kikhney L. G. Polikul'turnoe ili kul'turno ne atributirovannoe prostranstvo kak voploshchenie inobytiya v sovremennoy "misticheskoy proze" (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov) [Multicultural or culturally unattributed space as the embodiment of inobity in modern "mystical prose" (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov)]. In: *Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarной i sotsial'noy sfere: Materialy 6 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: Proceedings of the 6th International Sci. and pract. conf.]. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova (Eds.). Moscow, Penza, 2019, pp. 46–55.

Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugie... Triksster v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature [Shaluns, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children's literature]. *Children's Readings*. 2014, vol. 6, no. 2, pp. 7–22.

Matevosyan A. A. Fol'klornyye motivy volshebnoy skazki v khudozhestvennom mire romana M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Folklore motifs of a fairy tale in the artistic world of the novel "The Gray House" by M. Petrosya]. *Science and School*. 2021, no. 3, pp. 23–28. DOI 10.31862/1819-463X-2021-3-23-28.

Mel'nik D. A. Rasskazyvaniye istoriy v romane "Dom, v kotorom" Mariam Petrosyan: smyslovyye urovni [Storytelling in the novel "The Gray House" by Mariam Petrosyan: semantic levels]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2013, no. 3, pp. 63–67.

Meskin V. A., Gaydash L. V. Roman M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." v kontekste literaturnoy traditsii magicheskogo realizma [The novel "The Grey House" by M. Petrosyan in the context of the literary tradition of magic realism]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2019, vol. 24, no. 3, pp. 404–413. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413

Remizova M. Vremeni net [No time]. *Oktyabr'*. 2012, no. 4, pp. 148–168.

Rogova E. N., Yanitskiy L. S. Tema bolezni i ee funktsiya v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [The theme of the disease and its function in the novel by M. Petrosyan "The Gray House"]. *The New Philological Bulletin*. 2020, no. 4 (55), pp. 226–238. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00104

Rudnev V. N. Estetika detstva v literature postmoderna (k 60-letiyu vykhoda v svet romana U. Goldinga "Povelitel' much") [The aesthetics of childhood in literature is postmodern (on the 60th anniversary of the publication of W. Golding's novel "Lord of the Flies")]. *Herald of Moscow Humanitarian Economic University*. 2014, no. 2 (18), pp. 77–82.

Shanina Yu. A. Arkhetip rebenka v angliyskoj literature vtoroy poloviny 20 veka [Archetype of a child in English literature in the second half of the 20th century]. *Culture and text*. 2014, no. 1(16), pp. 68–88.

Sinegubova K. V. Bob Dylan's "Tarantula" in the structure of Mariam Petrosyan's novel "The Gray House" ("The house, in which..."). *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 3(50), pp. 261–269.

Sinegubova K. V. Skazki G. Kh. Andersena v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Tales of G. H. Andersen in the novel "The Gray House" by M. Petrosyan]. *The New Philological Bulletin*. 2018, no. 3 (46), pp. 198–205.

Skuratovskaya L. I. “Knigi Dzhungley” Kiplinga kak zhanrovyy eksperiment [“The Jungle Book” by Kipling as a genre experiment]. In: *Literaturnye traditsii v zarubezhnoy literature 19–20 vekov* [Literary traditions in foreign literature of the 19th and 20th centuries]. Perm, 1983, pp. 113–121.

Solov’eva T. Dom vs Naruzhnost’. O romane Mariam Petrosyan “Dom, v kotorom...” [House vs. Exterior. About the novel “The Gray House” by Mariam Petrosyan]. *Voprosy literatury*. 2011, no. 3, pp. 169–180.

Svitenko N. V. Syuzhetnaya situatsiya “travli” v otechestvennoy proze dlya podrostkov: neyrofiziologiya povedeniya i spetsifika konflikta [The plot situation of “bullying” in Russian prose for adolescents: neurophysiology of behavior and specifics of conflict]. *Modern Humanities Success*. 2022, no. 12, pp. 43–47.

Turovskaya M. Tri zhizni “Chayki po imeni Dzhonatan Livingston” [Three lives of “Jonathan Livingston Seagull”]. *Inostrannaya literatura*. 1974, no. 12, pp. 195–198.

List of sources

Bakh R. *Chayka Dzhonatan Livingston: Per. s angl.* [Jonathan Livingston Seagull: Transl. from Engl.]. Moscow, Sofiya, 2007, 112 p.

Kiplin R. *Stikhotvoreniya. Knigi dzhungley. Rasskazy. Svet pogas. Kim: Sb.: Per. s angl.* [Poems. Jungle Books. Stories. The light has gone out. Kim: Collected Works: Transl. from English]. Moscow, AST, 2004, 1037 p.

Petrosyan M. *Dom, v kotorom...* [The Gray House]. Moscow, Livebook, 2012, 958 p.

Stikhi matushki Gusyni. Sbornik [Poems of Mother Goose. Collection]. N. M. Demurova (Comp.). In English, with selected Russian translations. Moscow, Raduga, 1988, 684 p.

Информация об авторах

Анна Леонидовна Калашикова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Капиталина Валерьевна Синегубова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Information about the authors

Anna L. Kalashnikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Kapitalina V. Sinegubova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.01.2023;

одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 06.03.2023

The article was submitted on 21.01.2023;

approved after reviewing on 06.03.2023; accepted for publication on 06.03.2023